

ОТЗЫВ
на диссертацию Р.А. Мимохода на тему:
«Культуры и культуругенез на востоке посткатакомбного мира»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 5.6.3. Археология.

Актуальность представленной к защите докторской диссертации Р.А. Мимохода заключается прежде всего в том, что она является основательной частью усилий отечественных археологов по развитию периодизации В.А. Городцова. Причем, автор внес в изучение культурных процессов в крайнем восточном ареале среднебронзового Европы, скажу без преувеличения, титанический вклад. Еще в 2013 году представленная к защите кандидатская диссертация Р.А. Мимохода на тему: «Лолинская культура. Северо-западный

Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века» на нескольких сотнях страниц текста и иллюстраций выглядела как серьёзная заявка на представленное сегодня докторское исследование. На мой вопрос: не стоит ли для кандидатской диссертации вычленить какой-либо аспект, ограничить материал, «приберегая» для будущей докторской работы диссертант сказал, что через 10 лет представит во всех аспектах темы еще более расширенное и законченное исследование. Надо оценить известную настойчивость и последовательность Романа Алексеевича, в названный срок достигшего своей цели. На мой взгляд, здесь определяющую роль сыграла принадлежность диссертанта к донецкой школе археологии, давшей науке целую плеяду замечательных исследователей бронзового века (С.Н. Санжаров, Р.А. Литвиненко, А.Н. Усачук, В.Н. Горбов, Я.П. Гершкович, В.В. Цимиданов, В.Б. Панковский и др.), помноженная на лучшие традиции столичных: московской, Санкт-Петербургской и Киевской школ археологии.

Ключевым термином в названии диссертации Р.А. Мимохода является «культуругенез». Это понятие в настоящее время вошло в теоретико-методический аппарат археологии, а еще 20 лет назад его не выносили в название диссертационных исследований. В те годы, например, изучая памятники того же региона на предшествующих этапах периода средней бронзы, я обозначил парадигму исследования более традиционно: «культурно-исторический процесс», а формулировку «Культуругенез на востоке катакомбного мира» применил в более публицистической форме названия монографии. Но, времена меняются, наука не стоит на месте. В настоящее время, как мне уже приходилось писать ранее, понятие культуругенеза, вкупе с достижениями радиоуглеродной хронологии, является «волшебным ключом» к постижению сложной, как правило, асинхронной динамики культурно-исторического развития в эпоху бронзы. Оно, безусловно, является шагом вперед в сравнении с распространенной во второй половине XX века тенденции выделения глобальных и статичных «культурно-исторических общностей». Подтверждением значимости и успеха новой концепции стала новаторское обоснование выделения периода ферраэниум (Ferraëneum) в Восточной Европе, выдвинутого в 2020 году одним из главных разработчиков теории культуругенеза эпохи бронзы Восточной Европы В.С. Бочкаревым в соавторстве с М.Т. Кашубой.

Применительно к рецензируемой работе эта теория оказалась воистину плодотворной. Гипотеза о наличии одного или нескольких центров культуругенеза как в диахронном, так и в синхронном аспектах эпохи, а также о блоковом характере

возникновение, развития и исчезновения связанных с этими центрами культур как нельзя лучше позволяет разобраться в сложном процессе культурно-исторического развития в финале периода средней бронзы.

Безусловным достижением Р.А. Мимохода стала историографическая глава исследования, построенная по проблемно-хронологическому принципу. Автор последовательно и детально отразил ход научного осмысления курганных материалов восточного Предкавказья, изучение которых началось с раскопок П.С. Рыкова в 30-е годы прошлого века, а продолжилось во второй половине XX века работами И.В. Синицына и У.Э. Эрдниева, В.П. Шилова, Н.И. Шишлиной и др. В соответствии с темой диссертации в главе внимание уделено проблеме т.н. позднекатакомбных или раннесрубных (в зависимости от позиции исследователя) древностей региона. Р.А. Мимоход обоснованно намечает важные вехи в разработке этой темы: от первичного обособления в рамках периодизации древностей (В.А. Сафронов), до все более ясного осознания специфики этих памятников в рамках особой культурно-хронологической группы (П.Г. Дервиз). Можно присоединиться к выводу автора, отметившего, что «Значение статьи П.Г. Дервиза сложно переоценить. Она представила конкретную научную перспективу, реализация которой, в конечном итоге, привела к выделению лолинской культуры...».

В полной мере культурная специфика рассматриваемых памятников Предкавказья определилась по мере анализа основных культурных групп круга Лола. Охарактеризованы процесс выделения лолинской культуры и трансформация кубанской культурной группы в невинномысскую культуру.

Подробно освещены историографические вопросы и в параграфе, посвященном выделению посткатакомбных памятников в Нижнем Поволжье и Волго-Уралье. В хронологическом отношении этот процесс запаздывал по отношению к Предкавказью. Первые серьезные шаги в этом направлении были сделаны только в начале нынешнего века в работах В.В. Отрощенко, В.В. Ткачева и автора этих строк. В дальнейшем работа с материалами финала средней бронзы привела к выделению сначала криволукской культурной группы, позднее переформатированную в волго-донскую бабинскую культуру, и волго-уральской культурной группы.

Главы 2-5 построены по единой схеме, поскольку все, кроме 3-й, посвящены характеристике новых культурных образований: волго-донской бабинской (ВДБК) (глава 2), невинномысской (глава 4), волго-уральской культурной группы (ВУКГ) (глава 5). Подчеркну, что в этот перечень входит и лолинская культура (глава 3) – уже не новая культура, как например, невинномысская, но диссертанту пришлось ее значительно переформатировать по сравнению с его исследованием 2013 года. Единая схема построения 2-5 глав состоит в том, что диссертант разбил их на параграфы, которые организуют текст одинаково и дают возможность сравнивать те или иные параметры по главам (территория, погребальный обряд, характеристика погребального инвентаря, периодизация и хронология). Подобное не исключает наличие некоторых нюансов в отношении той или иной главы о составляющих блока посткатакомбных культурных образований.

В главе 2 освещается волго-донская бабинская культура. Очерчена ее территория, проанализировано состояние изученности разных участков ареала распространения культуры, выделены факты инфильтрации ВДБК достаточно глубоко на инокультурные территории. Довольно подробно охарактеризован погребальный обряд, причем тщательность к деталям этого обряда можно проиллюстрировать, например, выделением

10 типов только комплексов КЖ в погребениях и анализом расположения этих типов КЖ в границах погребальной камеры. В конце концов этот анализ позволил диссертанту считать комплексы КЖ в погребениях ВДБК культурно-хронологическим маркером. В целом же, захоронения ВДБК оказалось возможным разделить на четыре обрядовые группы.

Столь же тщательно проанализирован и погребальный инвентарь, в частности – посуда. В отношении костяных изделий подчеркнем проведенный диссертантом анализ костяных и роговых пряжек, а в разделе «каменные орудия» – практически самостоятельное «исследование в исследовании» по каменным брускам с двумя перетяжками. Насыщенным представляется и раздел, посвященный гарнитуре украшений ВДБК.

Периодизация погребений ВДБК строится на анализе стратиграфического соотношения захоронений в курганах, в особенности погребений различных обрядовых групп. Это позволяет исследователю предложить и аргументировать периодизацию ВДБК, состоящую из двух этапов. Важно, что предложенная периодизация согласовывается с радиоуглеродной хронологией, приведенной тут же.

Если следующие главы, посвященные тем или иным оставляющим блока посткатакомбных культурных образований, заканчиваются на параграфе «Периодизация и хронология», то во 2 главе дополнительный параграф посвящен анализу погребений днепро-донской бабинской культуры (ДДБК) в ареале ВДБК. Отталкиваясь от полученных данных, Р.А. Мимоход анализирует и обратное движение: проникновение каких-то групп ВДБК на территорию ДДБК.

Глава 3 посвящена лолинской культуре. В начале текста диссертант оговаривает «конспективный характер» изложения, ввиду того, что этой культуре посвящено его специальное исследование. Но, из-за выделения невинномысской культуры, о которой речь впереди, лолинскую культуру пришлось переформатировать, поскольку часть памятников «ушла» в иную культуру. Очерчена территория культуры и подробно охарактеризован погребальный обряд. Как и в главе 2, тщательность к деталям проиллюстрируем тем, что подчеркнем выделение 8 типов комплексов КЖ в погребениях. Сами же лолинские захоронения разделены диссертантом на десять обрядовых групп.

Как и в предыдущей главе, скрупулезно проанализирована керамика из погребений, металлические, каменные и костяные орудия, различные украшения. Из текста, посвященного погребальному инвентарю, выделим классификацию керамики (особенно группы 5-10 – новые формы сосудов) и своеобразное «исследование в исследовании» этой главы – обширный по объему сюжет о роговых поясных пряжках и костяных поясных подвесках. Отдельно отмечу ситуацию с костяной стрелой в уникальном лолинском комплексе Песчаный V 14/3 – коллективном погребении 7 человек: убитом взрослом мужчине и шести детей. Стрела – орудие убийства – на мой взгляд, вполне убедительно «опознана» диссертантом, как гинчинская.

Периодизация лолинских погребений, как и в предыдущей главе, посвященной ВДБК, строится на анализе стратиграфического соотношения захоронений в курганах: как лолинских различных обрядовых групп, так и лолинских с предшествующими (восточноманычскими) и последующими (срубными). Все это подводит фундамент под создание трехэтапной периодизации Лолы. Довольно объемное описание всех этапов лолинской периодизации сопоставляется с радиоуглеродной хронологией, причем, с учетом возможных ошибок радиоуглеродных построений.

Глава 4 посвящена выделению и характеристике новой археологической культуры – невинномысской (предложенное название дано по курганным могильникам, исследованным у г. Невинномысск (Ставропольского край) в 2012 и 2014 годах). Новая культура, судя по относительно обширной, но в целом – компактной территории распространения памятников (илл. 98), примыкающей к предгорьям Главного Кавказского хребта с севера, уже этим, на мой взгляд, выглядит довольно убедительно.

Как и в предыдущих главах 2 и 3, после обоснования территориальных границ культуры, проведен анализ погребального обряда. Отмечу попытку реконструкции уникальных на сегодняшний день каменных конструкций могильника Ореховка. Для новой культуры выделено 13 типов комплексов с КЖ, а захоронения разделены на шесть обрядовых групп, для двух из которых Р.А. Мимоход ловит закономерности в локализации. Далее, как и в предыдущих главах, анализируется погребальный инвентарь. Керамика, обладающая интересными деталями оформления, разделена диссертантом на 10 групп. Тщательно рассмотрен немногочисленный металлический инвентарь, орудия бронзолитейного производства, каменные изделия и украшения. Особое внимание обращено на изделия из кости, где присутствуют довольно яркие пряжки и подвески.

Прежде, чем осветить, как в предыдущих главах, периодизацию и хронологию, диссертант аргументирует наличие в новой культуре двух локальных вариантов: юго-восточного и северо-западного.

Периодизация невинномысских погребений построена на стратиграфическом соотношении захоронений разных обрядовых групп. Пока таких связок стратиграфии немного, но и при такой немногочисленности и плохой сохранности комплексов, исследователю удалось разработать и представить трехэтапную периодизацию новой культуры, подкрепив ее не столько радиоуглеродными датами, которых чрезвычайно мало, сколько удачной, на мой взгляд, линией синхронизации с Лолой.

Глава 5 завершает блок глав в диссертации, посвященных характеристике новых культурных образований и посвящена наименее многочисленной из них – волго-уральской культурной группе (ВУКГ). Очерчена территория, проведен анализ погребального обряда. Как и для предыдущих глав, подчеркну тщательность этого анализа указанием на то, что, к примеру, комплексы с КЖ разбиты диссертантом на 9 типов (пусть несколько из них обнаружены только по разу, но в количественном отношении погребения ВУКГ вообще являются на сегодняшний день в значительной мере «вещью в себе» и любой их анализ нацелен на корректировку в будущем). Впрочем, в ВУКГ зафиксированы бескурганные погребения, что несколько оживляет ситуацию. Сами же погребения разделены в исследовании на семь обрядовых групп. Обратим внимание, что в столь малой пока выборке погребений выделена, тем не менее, своеобразная группа – в сидячей позе или имитация такой позы. Говоря о группе «сидячих» погребений, Р.А. Мимоход относит к ней яркие и своеобразные погребения из кургана 4 могильника Тамар-Уткуль VII. Ситуацию с выделением, описанием и доказательствами отнесения особой и, скорее всего, неординарной группы «сидячих» захоронений к ВУКГ можно считать, по аналогии с нюансами предыдущих глав, «исследованием в исследовании» в рамках 5 главы. Впрочем, описание довольно скудного инвентаря ВУКГ постепенно превращается в весьма объемный текст, потому что в этой культурной группе наряду с очень малым количеством посуды и металлических и каменных изделий, присутствуют немало украшений и относительно большая и уж точно разнообразная коллекция костяных предметов: тупики, колецевидно-узкопланочная пряжка, наборы стержней

(гребни), пряслице. Всем этим находкам уделено в главе 5 немало внимания, к тому же автор исследования приводит широкий спектр инокультурных аналогий с обширной территории.

Периодизация погребений ВУКГ построена на стратиграфическом соотношении захоронений группы с волго-донскими катакомбными комплексами, ВДБК, ДДБК и с захоронениями позднего бронзового века. Есть и единичные случаи стратиграфии погребений ВУКГ разных обрядовых групп. Диссертанту удалось разработать периодизацию ВУКГ, состоящую из двух этапов. Этим ВУКГ похожа на ВДБК, чья периодизация тоже была разбита на два этапа (см. главу 2). Радиоуглеродные даты комплексов ВУКГ пока единичны, но, тем не менее, даже с неизбежными трудностями интерпретации их, видно, что выделяемая культурная группа синхронна с ВДБК. Впрочем, как и в случае с невинномысской культурой, радиоуглеродное датирование ВУКГ находится по выражению диссертанта в зачаточном состоянии.

Глава 6 посвящена анализу места блока посткатакомбных культурных образований в системе европейской, кавказской и ближневосточной хронологии с опорой на предложенную автором трехчастную периодизацию восточноевропейских посткатакомбных древностей: ПКБ I, II и III. Основным методом, который использовал диссертант, является состыковка хронологических систем удаленных друг от друга регионов путем сопоставления их периодизаций и последующей верификацией с помощью сравнительного анализа радиоуглеродных дат. В главе представлено несколько линий синхронизации с культурами Кавказа, Центральной и Западной Европы, с колесничными культурными образованиями. При этом оговариваются «узкие места» формирования базы ^{14}C данных в современных условиях. Вывод диссертанта: границы существования блока посткатакомбных культурных образований по-прежнему необходимо датировать в интервале 2200–1800 CalBC, как и ранее, но мы стоим на пороге потенциального увеличения количества высокоточных дат, а потому в ближайшие годы возможны уточнения датировок. Нужно сказать, что достаточно оптимистичный вывод диссертанта уже не ограничивается рамками диссертации, а только что опубликован в материалах конференции к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта (Мимоход, 2022).

Глава 7 является заключительной и обобщающей в диссертации Р.А. Мимохода. Безусловно, она не могла состояться без той работы, которая получила освещение в предыдущих главах, но выглядит, как самостоятельное исследование (интересно сравнить: объем этой главы по отношению к общему объему семи глав текста – 29%). Подводя итоги, диссертант предлагает характеристику основных структурных черт сходства всех составляющих посткатакомбного блока, проводит сравнительный анализ культурного круга Бабино и культурного круга Лолы. Подчеркну своеобразие и научную новизну § 3 «Миграции, культурогенез и палеоклимат», причем построение текста воспроизводит системную триаду: ближнедистанционная, среднедистанционная и дальнедистанционная миграция. Психологически подобное триединство лучше воспринимается читателем. Заключением этого параграфа служит раздел о палеоклиматическом кризисе, что вызвало эти разнодистанционные миграции, а также в конечном счете послужило причиной формирования культурных кругов Лолы и Бабино.

Далее, затрагивая сложную цепь взаимосвязей «климат–социум–металл», диссертант попытался показать, как изменения природной обстановки на стыке финала среднего – начала позднего бронзового века обусловили в отношении

восточноевропейской степи-лесостепи упадок деятельности кавказского и формирование нового волго-уральского очага культурогенеза.

Накопленный диссертантом материал оказался в какой-то мере информативен в таком интересном вопросе, как реконструкция древних военных конфликтов, поскольку перемены, приведшие к миграциям, неизбежно порождают и военную напряженность в обществе. Эту интересную тему диссертант решает двумя способами: по немногочисленным свидетельствам ранений и убийств, которые фиксируются в вещевом комплексе и/или в скелетном материале погребений; по факту раскопок уникального фортификационного комплекса финала среднего бронзового века на территории Восточной Европы – Ливенцовско-Каратевской крепости в дельте Дона.

Заключительный раздел последней главы посвящен оценке посткатакомбного мира на завершающей стадии своего развития, когда он стал неотъемлемой частью культурогенеза начала поздней бронзы.

Разумеется, столь обширное и многовекторное исследование, в котором задействовано большое количество и материала, и литературы не могло обойтись без каких-либо ошибок и накладок. Но здесь нет каких-либо основополагающих ошибок или поспешных выводов. Разумеется, за этим стоит кропотливая работа диссертанта, который не оставил выдвигаемые положения без системы доказательств. Кроме того, Р.А. Мимоход в последние годы довольно часто выступал с работами или докладами, в которых освещал те или иные положения, выносимые сейчас на защиту и, таким образом, многое из его исследования уже прошло «обкатку» в научной среде. Так что, возвращаясь к ошибкам, замечу, что они носили технический характер: в иллюстрациях иногда дважды подавались те или иные комплексы, не совпадала кое-где нумерация курганов и погребений, уникальный лолинский комплекс Песчаный V 14/3 – «братская могила» из 7 человек – подавался, как погребение 6 человек.

В качестве смысловых замечаний хотелось бы отметить следующие. Крайне мало использован материал поселенческих памятников, в то время как известно, что в регионе волго-донской бабинской культуры есть бытовые памятники, даже имеющие элементы фортификации (Терновское городище в р-не Камышина). Следует отметить, невинномысская группа выглядит несколько эклектичной. Кроме того, это степная культура. Встает вопрос о месте памятников предгорий Северо-Западного Кавказа в системе древностей Бабино-Лола, в частности – устойчивые на протяжении всего периода средней бронзы элементы дольменной культуры. Она безусловно оказывала влияние на степь, в том числе в финале средней бронзы. Наконец, хочется отметить ситуацию с названием ВУКГ: в тексте главы 5 нет объяснения, почему оставлено именно это название, в то время как иные, можно сказать, «рабочие» названия: криволукская посткатакомбная культурная группа и кубанская посткатакомбная группа памятников стали соответственно ВДБК и невинномысской культурой. Диссертант должен был, на мой взгляд, объяснить это в рамках главы 5.

Высказанные замечания имеют факультативный характер и не могут умалять достоинства диссертационного исследования.

Все сказанное выше о содержании работы позволяет утверждать, что диссертация Р.А. Мимохода представляет собой важное этапное исследование в археологии бронзового века не только юга Восточной Европы, но и всех прилегающих регионов Старого Света, обобщающее огромный материал и открывающее новые перспективы исследований. В заключение нельзя не отметить отличное качество (с точки зрения

структуры, насыщенности и графического исполнения) иллюстративного материала (при впечатляющем его количестве – всего 246 илл.), традиционно, впрочем, присущее работам Р.А. Мимохода: визуализированы практически все авторские суждения, как источниковедческого, так и культурно-исторического характера.

Особую ценность составляет библиография упомянутых работ (1951 наименование изданий и 257 наименований полевых отчетов), отражающая огромный масштаб проделанной работы и весьма широкую научную эрудицию автора.

Не могу не упомянуть также энергичный и легкий стиль, который делает текст объемного труда интересным и легко читаемым (не в ущерб высокой информативности). В сочетании с продуманной архитектурой это залог того, что работа (будем надеяться, в недалеком будущем она выйдет в виде монографии) окажет вдохновляющее воздействие на коллег, посвятивших себя изучению древностей бронзового века Евразии.

Материалы и выводы исследования могут быть использованы при написании научных и научно-популярных работ по истории и археологии Восточной Европы в эпоху бронзы, при подготовке курса лекций для студентов исторических факультетов вузов, в музейной работе.

Автореферат отражает основное содержание и структуру работы и соответствует тексту диссертации.

Основные положения диссертации полномерно отражены в 24 статьях в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, в 4 монографиях и 3 главах в коллективных монографиях, в обширной серии публикаций в других научных изданиях.

Диссертация Романа Алексеевича Мимохода, представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. «Археология», полностью соответствует по своему содержанию и научной значимости всем требованиям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней», предъявляемым к докторским диссертациям, а также критериям паспорта специальности 5.6.3. Археология.

Автор диссертации заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология.

Официальный оппонент

профессор, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»,
доктор исторических наук

10.04.2023

А.В. Кияшко

Южный федеральный университет (sfedu.ru) 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, тел. (863) 218 40 00 E-mail: volgodon5@mail.ru

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»	
Личную подпись <u>Кияшко А.В.</u>	Департамент кадров и правового сопровождения трудовых отношений
ЗАВЕРЯЮ:	
Специалист по управлению персоналом	
1 категории <u>Акушова С.Ю.</u>	4
«13» <u>04</u> 20 <u>23</u> г.	